ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ Н. М. СМИРНОВА.

Николай Михайловичъ Смирновъ, бывшій Калужскій, а потомъ Петербургскій губернаторъ, происходилъ по матери отъ перваго преображенца Леонтія Бухвостова, которому Петръ Великій пожаловалъ обширныя помѣстья въ Псковской, Московской и другихъ губерніяхъ. Роднымъ дѣдомъ его, тоже съ материнской стороны, былъ нѣкто Чарторижскій, адъютантъ Петра III-го, оставившій по себѣ записки, доселѣ неизданныя. Н. М. Смирновъ былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ, отмѣнно-горячаго, любящаго сердца, съ дѣятельнымъ участіемъ относившійся къ чужому горю и чужой бѣдѣ, многихъ на своемъ вѣку выручавшій, многимъ памятный своими пособіями и благодѣяніями. Я имѣлъ случай близко знать его въ послѣдніе годы его жизни, проводя нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ въ бывшемъ его помѣстьѣ, въ селѣ Спасскомъ, Бронницкаго уѣзда, на высокомъ берегу Москвы-рѣки. Мнѣ попятно, почему такъ цѣнилъ его А. С. Пушкинъ, тоже отличавшійся неистощимою любовію къ людямъ. Въ 1831 году Пушкинъ былъ шафером на свадьбѣ Н. М. Смирнова, въ Зимнемъ дворцѣ.

Тетрадь, изъ которой извлечены нижеслѣдующія выдержки, передана была мнѣ въ 1872 году сыномъ Смирнова, Михаиломъ Николаевичемъ.

П. Бартеневъ.

1842-й годъ.

Новый годъ.

Новый годъ открылся печально. Императрица была не очень здорова, и Государь, не желая въ сей день принимать поздравленія безъ нея, отмѣнилъ выходъ. Публика, не знавшая того, въ первую минуту не преминула искать тайную причину и отнесла сіе отмѣненіе къ тому, что дворъ не хотѣлъ принять въ сей день дипломатическій корпусъ,

чтобъ не видѣть Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Перье; но скоро всѣ узнали причину и вмѣстѣ также, что Великая Княгиня Наслѣдница не очень здорова по случаю беременности, — обстоятельство до сего дня неизвѣстное публикѣ.

Замѣчательныхъ милостей въ сей день не было; нѣсколько чиновъ, лентъ, мелкой монеты, разбросанной по министерствамъ. Ожидали также рѣшенія на просьбу князя Александра Николаевича Голицына, просящаго снять съ него управленіе надъ почтовымъ вѣдомствомъ, потому что онъ почти лишился зрѣнія. По сему случаю въ публикѣ носились три слуха, что почта перейдетъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, что князя Голицына замѣститъ графъ Клейнмихель, а по другимъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, членъ Государственнаго Совѣта; но всѣ ошиблись: новый годъ не принесъ развязки.

8 Генваря.

Поздравленія новаго года были отложены до Крещенія, а 7-го былъ балъ въ концертной залѣ, на который былъ приглашенъ корпусъ дипломатическій; среди его явился и Перье съ супругою своею, не взирая на то, что получено извѣстіе изъ Парижа, что нашъ повѣренный въ дѣлахъ Киселевъ, со всѣмъ посольствомъ, не ѣздилъ поздравлять короля въ новый годъ, что было очень замѣчено въ Парижѣ и внушило журналу Де-Деба сильную статью противъ неприличія дворамъ во время мира дѣлать другъ другу мелочныя непріятности. Сія статья полу-оффиціальнаго журнала Французскаго министерства выхваляетъ г-на Гизо за то, что онъ не переноситъ нашихъ оскорбленій; но оканчивается мирными словами: nous voulons la paix, la paix à tout prix! Нумеръ газеты, гдѣ сія статья, не былъ пропущенъ цензурою; но государь приказалъ пропустить его.

Возмутительныя письма.

Наканунѣ Рождества случилось странное происшествіе. Нѣкоторые полки, Московскій, Измайловскій, Семеновскій и Егерскій получили черезъ городскую почту возмутительныя письма, адресованныя на имя фельдфебелей. Сіи письма выражаются почти слѣдующими словами: «Завтра всѣ честные люди будутъ разгавливаться, а вы ребята чѣмъ разговѣетесь, хлѣбомъ и водою? Отъ чего? Потому что у Государя денегъ нѣтъ: его разорилъ Канкринъ, который умѣетъ только набивать свои карманы, и за это слѣдуетъ убить его» и пр. и пр. Командиры полковъ, узнавъ о томъ вечеромъ 24-го числа, тотчасъ донесли Великому князю Михаилу Павловичу. Всю ночь были изысканія, не полу-

чены ли въ другихъ полкахъ подобныя письма, но оныхъ не оказалось, и тѣмъ кончилась сія исторія, о которой офицерамъ было запрещено говорить. Кто виновникъ сихъ писемъ, кажется, не было найдено; но такъ какъ въ Егерскій полкъ одно таковое письмо было отдано черезъ солдата того полка, которому его вручилъ на Невѣ встрѣтившійся съ нимъ чиновникъ въ трехугольной шляпѣ, съ серебряными пуговицами на мундирѣ, то полагаютъ, что сіи письма были написаны чиновникомъ Военнаго Министерства изъ числа тѣхъ, которые были уволь-нены за уменьшеніемъ штатовъ изъ экономическихъ видовъ. Непости-жимо, съ какою цѣлью были написаны эти письма; ибо невозможно предполагать, чтобъ нашелся столь глупый человѣкъ, который могъ бы надѣяться таковымъ письмомъ произвести волненіе въ нашемъ войскѣ. Сочинитель сего циркуляра долженъ былъ знать духъ нашихъ солдатъ и знать, что фельдфебели, такъ какъ оно случилось, немедленно пред-ставятъ сіи письма своимъ ротнымъ командирамъ.

Пушкинъ.

Полный еще вчерашнимъ разговоромъ о нѣкоторомъ сходствѣ въ судьбѣ нашихъ лучшихъ поэтовъ въ семъ столѣтіи, Пушкина и Лер-монтова(ибо поэзія обоихъ стала болѣе извѣстною въ началѣ ихъ жизни черезъ гоненія, которыя она заслужила, и оба пали отъ пули на по-единкахъ), я хочу въ сихъ запискахъ помѣстить нѣкоторыя воспоминанія объ нихъ и какія причины ихъ привели къ кровавой развязкѣ.

Не взирая на нѣкоторое сходство Лермонтова съ Пушкинымъ, сей послѣдній былъ неизмѣримо выше его не только талантомъ, но умомъ, познаніями и душою, и серьезно нельзя дѣлать между ними никакого сравненія. Пушкинъ (перваго выпуска Царскосельскаго Лицея), хотя въ юности учился небрежно и посему въ выпускѣ не попалъ въ число первыхъ учениковъ, но умѣлъ пріобрѣсти въ послѣдствіи обширныя познанія въ литературѣ и исторіи. Онъ читалъ очень много и, одаренный необыкновенною памятью, сохранялъ всѣ сокровища, собран-ныя имъ въ книгахъ; особенно хорошо изучилъ онъ Россійскую Исторію и изъ оной всю эпоху съ начала царствованія Петра Великаго до нашихъ временъ. Его голова была наполнена характеристическими анекдотами всѣхъ знаменитыхъ лицъ послѣдняго столѣтія, и онъ любилъ ихъ раз-сказывать. Государь ему поручилъ написать Исторію Петра Великаго, который былъ идоломъ Пушкина. Онъ этимъ дѣломъ занялся съ любо-вію, но не хотѣлъ начать писать прежде чѣмъ соберетъ всѣ нужные матеріалы и для достиженія сего читалъ все что̀ было напечатано о семъ государѣ и рылся во всѣхъ архивахъ. Многіе сомнѣвались, чтобъ

онъ былъ въ состояніи написать столь серьёзное сочиненіе, чтобъ у него достало на то терпѣнія. Зная коротко Пушкина (и мое мнѣніе раздѣлено Жуковскимъ, Вяземскимъ, Плетневымъ), я увѣренъ, что онъ вполнѣ удовлетворилъ бы строгимъ ожиданіямъ публики; ибо подъ личиною иногда вѣтренности и всегда свѣтскаго человѣка, онъ имѣлъ высокій, проницательный умъ, чистый взглядъ, необыкновенную смѣтливость, память, не теряющую изъ виду малѣйшихъ обстоятельствъ въ самыхъ дальнихъ предметахъ, высоко-благородную душу, большія познанія въ Исторіи, словомъ всѣ качества нужныя для историографа, къ которымъ онъ присоединялъ еще свой блистательный талантъ какъ писатель. Нельзя также сомнѣваться, чтобъ у него недостало терпѣнья для окончанія столь важнаго сочиненія; ибо онъ имѣлъ въ важныхъ случаяхъ твердую волю, и благоговѣніе, которое онъ имѣлъ къ Петру I, вооружало его нужнымъ терпѣніемъ. Онъ сіе доказалъ трудами своими въ собираніи справокъ, долгимъ изученіемъ своего предмета, и въ глазахъ знающихъ коротко Пушкина медленность его въ начатіи писать исторію великаго государя служила доказательствомъ его твердаго намѣренія посвятить ей всѣ силы своего ума, всю жизнь свою. Другіе судили иначе, ибо его не знали. Хотя онъ былъ извѣстнѣйшимъ лицомъ въ Россіи, хотя знаменитость его дошла до самыхъ глухихъ и дальнихъ мѣстъ Россіи, но весьма немногіе его знали коротко и могли вполнѣ оцѣнить высокія качества его ума, его сердца и души. Любя свѣтъ, любя игру, любя пріятельскія бесѣды, Пушкинъ часто являлся человѣкомъ легкомысленнымъ, вѣтреннымъ и давалъ поводъ судить о немъ ложно. Бывъ самаго снисходительнаго нрава, онъ легко вступалъ со всѣми на пріятельскую ногу, и эта свѣтская дружба, соединенная съ откровеннымъ обращеніемъ, позволяла многимъ думать, что они съ Пушкинымъ друзья и что они коротко знаютъ его мысли, чувства, мнѣнія и способности. Эти-то мнимые друзья и распространили многія ложныя мысли о немъ и представили его легкомысленнымъ и неспособнымъ для трудовъ, требующихъ большаго постоянства. Какъ мало знали они Пушкина, какое бѣдное понятіе имѣли о немъ, не взирая на то что оцѣняли весь геній его какъ поэта! Кто былъ ближе къ нему, кто пользовался его совершеннымъ довѣріемъ, кому доступны были тайныя струны его души, тѣ уважали въ Пушкинѣ человѣка столько же какъ и поэта, тѣ открывали въ немъ ежедневно сокровища неистощимыя и недоступныя пониманію толпы такъ называемыхъ его пріятелей.

Трудно описать блестящія качества, которыя соединялись въ Пушкинѣ и сдѣлали изъ него столь замѣчательное лицо. Его геній извѣстенъ; но что̀ можетъ быть неизвѣстно будетъ потомству, это то, что Пушкинъ съ самой юности до гроба находился вѣчно въ непріятномъ или стѣ-

сненномъ положеніи, которое убило бы всѣ мысли въ человѣкѣ съ менѣе твердымъ характеромъ. Сосланный въ Псковскую деревню за сатирическіе стихи, онъ имѣлъ тамъ развлеченіемъ старую няню, коня и бильярдъ, на которомъ игралъ одинъ тупымъ кіемъ. Его дни тянулись однообразно и безцвѣтно. Вставъ поутру, погружался онъ въ холодную ванну и бралъ книгу или перо; потомъ садился на коня и скакалъ нѣсколько верстъ, слѣзая уставшій ложился въ постель и бралъ снова книги и перо; въ минуты грусти перекатывалъ шары на бильярдѣ или призывалъ старую няню разсказывать ему про старину, про Ганибаловъ, потомковъ Арапа Петра Великаго, изъ фамиліи которыхъ происходила его мать. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ юности Пушкина, и въ эти дни скуки и душевной тоски онъ написалъ столько свѣтлыхъ восторженныхъ пѣсенъ, въ которыхъ ни одно слово не высказало измѣнчиво его унынія. Вдругъ однажды ночью его будитъ испуганная няня и объявляетъ ему, что вновь воцарившійся Государь, находившійся въ то время для коронаціи въ Москвѣ, прислалъ за нимъ фельдъегеря. Пушкинъ изумился; онъ не принадлежалъ къ заговору, уничтоженному на Сенатской площади 14-го Декабря, его совѣсть была чиста, и онъ чувствовалъ, что можетъ предстать передъ лицомъ Государя безъ страха; но съ другой стороны онъ боялся, что, по его дружбѣ и перепискѣ со многими участниками заговора, напр. съ Лунинымъ, Кюхельбекеромъ, Муравьевымъ, могло случиться, что слова какого-нибудь письма, найденнаго по окончаніи уже суда надъ виновными, были истолкованы не въ пользу его или что новое донесеніе на него вело его къ новому суду. Скоро однакоже успокоилъ его фельдъегерь вниманіемъ, котораго обыкновенно не дарятъ тѣмъ, которыхъ отвозятъ подъ плаху правосудія. По пріѣздѣ въ Москву Пушкинъ введенъ прямо въ кабинетъ Государя; дверь замкнулась и когда снова отворилась, Пушкинъ вышелъ со слезами на глазахъ, бодрымъ, веселымъ, счастливымъ. Государь его принялъ какъ отецъ сына, все ему простилъ, все забылъ, обѣщалъ покровительство свое и быть единственнымъ цензоромъ всѣхъ его сочиненій *).

Съ 1825 до 1831 года была самая счастливая эпоха въ жизни Пушкина. Онъ жилъ въ Петербургѣ, ласкаемый Царемъ; три четверти общества носили его на рукахъ. Говорю три четверти, ибо одна часть высшаго круга никогда не прощала Пушкину его вольныхъ стиховъ,

---

*) Съ тѣхъ поръ Пушкинъ посылалъ Государю черезъ Бенкендорфа всѣ свои сочиненія въ рукописяхъ и по возвратѣ оныхъ отдавалъ ихъ прямо въ печать. Государь означалъ карандашомъ мѣста, которыя не пропускалъ. Государь былъ самый снисходительный цензоръ и пропустилъ многія мѣста, которыя обыкновенная цензура, къ которой Пушкинъ обращался за отсутствіемъ Государя, не пропускала.

его сатиръ и, не взирая на милости Царя, на увѣренія его друзей, не переставала его считать человѣкомъ злымъ, опаснымъ и вольнодумцемъ. Но Пушкинъ былъ утѣшенъ въ несправедливой ненависти немногихъ фанатическою дружбою многочисленныхъ друзей своихъ и любовью всей Россіи. Никто не имѣлъ столько друзей сколько Пушкинъ и, бывъ съ нимъ очень близокъ, я знаю, что онъ вполнѣ оцѣнялъ сіе счастіе. Осенью онъ обыкновенно удалялся на два и три мѣсяца въ деревню, чтобъ писать и не быть развлекаемымъ. Въ деревнѣ онъ велъ всегда одинаковую жизнь, весь день проводилъ въ постелѣ съ карандашомъ въ рукахъ, занимался иногда по 12 часовъ въ день, поутру освѣжался холодною ванною; передъ обѣдомъ, не смотря даже на непогоду, скакалъ нѣсколько верстъ верхомъ, и когда уставшая подъ вечеръ голова требовала отдыха, онъ игралъ одинъ на бильярдѣ или призывалъ съ разсказами свою старую няню. Однажды онъ взялъ съ собою любовницу. «Никогда болѣе не возьму никого съ собою», говорилъ онъ мнѣ послѣ, «бѣдная Лизанька едва не умерла со скуки: я съ нею почти тамъ не видѣлся». Ибо, какъ скоро пріѣзжалъ онъ въ деревню и брался за перо, лихорадка переливалась въ его жилы, и онъ писалъ, не зная ни дня, ни ночи. Такъ писалъ онъ, не покидая почти пера, каждую главу Онѣгина; такъ написалъ онъ почти безъ остановки Графа Нулина и Мѣднаго Всадника. Онъ писалъ всегда быстро, однимъ вдохновеніемъ, но иногда недовольный нѣкоторыми стихами, потомъ съ гнѣвомъ ихъ маралъ, переправлялъ: ибо въ его глазахъ рѣдко какой-нибудь стихъ выражалъ вполнѣ его мысль.

Въ 1831 году онъ женился на Гончаровой. Всѣ думали, что онъ влюбленъ въ Ушакову *); но онъ ѣздилъ, какъ послѣ самъ говорилъ, всякій день къ сей послѣдней, чтобъ два раза въ день проѣзжать мимо оконъ первой. Женитьба была его несчастіе, и всѣ близкіе друзья его сожалѣли, что онъ женился. Семейныя обязанности должны были неминуемо отвлечь его много отъ занятій, тѣмъ болѣе, что, не имѣя еще собственнаго имѣнія, живя произведеніями своего пера и женясь на дѣвушкѣ не принесшей ему никакого состоянія **), онъ приготовлялъ себѣ въ будущемъ грустныя заботы о необходимомъ для существованія. Такъ

*) Елисавету Николаевну, впослѣдствіи супругу Сергѣя Дмитріевича Киселева. Она жила на Средней Пресне, а Гончаровы на углу Скарятинскаго переулка и Большой Никитской. П. Б.

**) Отецъ позволилъ Пушкину заложить для свадьбы Нижегородское имѣніе. Получено было до 40 тысячъ. Изъ нихъ Пушкинъ далъ тещѣ на изготовленіе приданаго, и женившись въ Февралѣ, для переѣзда въ Петербургъ, весною этого же года, долженъ былъ подъ жидовскіе проценты заложить нѣкоему Веру женины бриліанты, которыхъ такъ и не выкупилъ. (Слышано отъ П. В. Нащокина). П. Б.

и случилось. Съ перваго года Пушкинъ узналъ нужду, и хотя никто изъ самыхъ близкихъ не слыхалъ отъ него ни единой жалобы, безпокойство о существованіи омрачало часто его лицо. Я помню только однажды, что, недовольный нянькою дѣтей своихъ, онъ грустно изъявилъ сожалѣніе, что не въ состояніи взять Англичанку. Домашнія нужды имѣли большое вліяніе на нравъ его; съ большею грустью вспоминаю, какъ онъ, придя къ намъ, ходилъ печально по комнатѣ, надувъ губы и опустивъ руки въ карманы широкихъ панталонъ и уныло повторялъ: «грустно! тоска!» Шутка, острое слово, оживляли его электрическою искрою: онъ громко захохочетъ и обнаружитъ рядъ бѣлыхъ, прекрасныхъ зубовъ, которые съ толстыми губами были въ немъ остатками полуарабскаго происхожденія. И вдругъ снова, ставъ къ камину, шевеля что нибудь въ своихъ широкихъ карманахъ, запоетъ протяжно: «грустно! тоска!» Я увѣренъ, что безпокойствія о будущей судьбѣ семейства, долги и вѣчныя заботы о существованіи были главною причиною той раздражительности, которую онъ показалъ въ происшествіяхъ, бывшихъ причиною его смерти.

Приступаю теперь къ разсказу кровавой драмы, лишившей Россію ея любимаго поэта; но прежде долженъ сказать нѣсколько словъ объ его женѣ, которая казалась виновницею смерти своего мужа. Красавицѣ, которая съ перваго шага на свѣтскомъ поприщѣ была окружена толпою обожателей, при очаровательной красотѣ, принятой въ Петербургѣ съ восторгомъ, не остереженной мужемъ, который боялся казаться ревнивымъ, и подстрекаемой въ самолюбіи старою теткою, фрейлиною Загряжскою, ей было извинительнѣе чѣмъ всякой другой женщинѣ быть неосторожною. Къ несчастью ея, Пушкина и Россіи, нашелся человѣкъ, который неосторожностью, или непреодолимымъ чувствомъ своимъ компрометировалъ ее въ глазахъ мужа. Баронъ Дантесъ, (да будетъ трижды проклято его имя), молодой человѣкъ лѣтъ 25, пріѣхалъ эмигрантомъ въ Петербургъ послѣ Французской революціи 1830 года, и по неизвѣстнымъ мнѣ протекціямъ былъ прямо принятъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Красивой наружности, ловкій, веселый и забавный, болтливый какъ всѣ Французы, онъ былъ вездѣ принятъ дружески, понравился даже Пушкину, далъ ему прозваніе Pacha à trois queues, когда однажды тотъ пріѣхалъ на балъ съ женою и ея двумя сестрами. Скоро онъ страстно влюбился въ г-жу Пушкину. Бѣдная Наталья Николаевна, быть можетъ немного тронутая симъ новымъ обожаніемъ, не взирая на то, что искренно любила своего мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива (что́ иногда случается въ никѣмъ еще неразгаданныхъ сердцахъ свѣтскихъ женщинъ), или изъ неосторожнаго кокетства, казалось, принимала волокитство Дантеса съ

удовольствіемъ. Мужъ это замѣтилъ, были домашнія объясненія; но дамы легко забываютъ на балахъ данныя обѣщанія супругамъ, и Наталья Николаевна снова принимала приглашенія Дантеса на долгіе танцы, что̀ заставляло мужа ея хмурить брови. Вдругъ Пушкинъ получаетъ письмо на Французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія. NN, канцлеръ ордена Рогоносцевъ, убѣдясь, что Пушкинъ пріобрѣлъ несомнительныя права на этотъ орденъ, жалуетъ его командоромъ онаго. Легко представить дѣйствіе сего гнуснаго письма на Пушкина, терзаемаго уже сомнѣніями, весьма щекотливаго во всемъ что̀ касается до чести и имѣющаго столь пламенныя чувства, душу и воображеніе *). Его ревность усилилась, и увѣренность, что публика знаетъ про стыдъ его, усиливала его негодованіе; но онъ не зналъ на кого излить оное, кто безчестилъ его сими письмами. Подозрѣнія его и многихъ его пріятелей падали на барона Гекерна; но прежде чѣмъ сказать почему, я долженъ разсказать важное обстоятельство въ жизни Дантеса, мною пропущенное.

Баронъ Гекеренъ, Нидерландскій посланникъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, усыновилъ Дантеса, передалъ ему фамилію свою и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Какія причины побудили его къ оному, осталось неизвѣстнымъ; иные утверждали, что онъ его считалъ сыномъ своимъ, бывъ въ связи съ его матерью; другіе, что онъ изъ ненависти къ своему семейству давно желалъ кого-нибудь усыновить и что выбралъ Дантеса потому, что полюбилъ его. Любовь Дантеса къ Пушкиной ему не нравилась. Гекеренъ имѣлъ честолюбивые виды и хотѣлъ женить своего пріемыша на богатой невѣстѣ. Онъ былъ человѣкъ злой, эгоистъ, которому всѣ средства казались позволительными для достиженія своей цѣли, извѣстный всему Петербургу злымъ языкомъ, пересорившій уже многихъ, презираемый тѣми, которые его проникли. Весьма правдоподобно, что онъ былъ виновникомъ сихъ писемъ съ цѣлью поссорить Дантеса съ Пушкинымъ и, отвлекши его отъ продолженія знакомства съ Натальей Николаевной, исцѣлить его отъ любви и женить на другой. Сколь ни гнусенъ былъ сей разсчетъ, Гекеренъ былъ способенъ составить его. Подозрѣніе падало также на двухъ молодыхъ людей кн. Петра Долгорукаго и кн. Г—на; особенно на послѣдняго. Оба князя были дружны съ Гекереномъ и слѣдовали его примѣру, распуская сплетни. Подозрѣніе подтверждалось адресомъ на письмѣ, полученномъ

*) Въ тоже время Карамзины, Вяземскій, Хитрова, Росетъ и Сологубъ получили черезъ городскую почту тѣже пакеты, въ которыхъ находились письма на имя Пушкина; нѣкоторые, какъ будто изъ предчувствія, раскрыли пакеты и, найдя пасквиль, удержали ихъ, другіе же переслали Пушкину.

К. О. Россетомъ; на немъ подробно описанъ былъ не только домъ его жительства, куда повернуть взойдя на дворъ, по какой идти лѣстницѣ и какая дверь его квартиры. Сіи подробности, неизвѣстныя Гекерену, могли только знать эти два молодые человѣка, часто посѣщавшіе Россета, и подозрѣніе, что кн. Г. былъ помощникомъ въ семъ дѣлѣ, подкрѣпилось еще тѣмъ, что онъ былъ очень мало знакомъ съ Пушкинымъ и казался очень убитымъ тайною грустью послѣ смерти Пушкина. Впрочемъ участіе, имъ принятое въ пасквилѣ, не было доказано, и только одно не подлежитъ сомнѣнію, это то, что Гекеренъ былъ ихъ сочинитель. Послѣдствія доказали, что Государь въ этомъ не сомнѣвался, и говорятъ, что полиція имѣла на то неоспоримыя доказательства.

По полученіи писемъ всѣ друзья Пушкина не сомнѣвались болѣе что гроза, кипѣвшая въ груди Пушкина, должна скоро разразиться; но онъ сдержалъ ее и какъ будто ждалъ случая и предлога требовать крови Дантеса. Быть можетъ также онъ хотѣлъ дождаться, чтобъ слухи о сихъ письмахъ сперва упали. Дантесъ же не перемѣнялъ поведенія и явно волочился за его женою, такъ что скоро вынудилъ Пушкина послать ему вызовъ черезъ графа Сологуба (Владим. Александр.). Что происходило по полученіи вызова въ вертепѣ у Гекерена и Дантеса, неизвѣстно; но въ тотъ же день Пушкинъ, сидя за обѣдомъ, получаетъ письмо, въ которомъ Дантесъ проситъ руки старшей Гончаровой, сестры Натальи Николаевны. Удивленіе Пушкина было невыразимое; казалось, что всѣ сомнѣнія должны были упасть передъ такимъ доказательствомъ, что Дантесъ не думаетъ объ его женѣ. Но Пушкинъ не повѣрилъ сей новой неожиданной любви; а такъ какъ не было причины отказать въ рукѣ свояченицы, тридцатилѣтней дѣвушки, которой Дантесъ нравился, то и было изъявлено согласіе. Помолвка Дантеса удивила всѣхъ и всѣхъ обманула. Друзья Пушкина, видя, что ревность его продолжается, напали на него, упрекая въ безразсудствѣ; онъ же оставался неуспокоеннымъ и не вѣрилъ, что свадьба состоится. Она состоялась *) и не успокоила Пушкина. Онъ не поѣхалъ на свадьбу и не принялъ молодыхъ къ себѣ. Что понудило Дантеса вступить въ бракъ съ дѣвушкою, которой онъ не могъ любить, трудно опредѣлить; хотѣлъ ли онъ, жертвуя собою, успокоить сомнѣнія Пушкина

*) Бракъ съ иновѣрцемъ требовалъ особливыхъ обрядностей; намъ случилось видѣть бумагу съ разрѣшеніемъ этого брака, подписанную 7 Января 1837 года тогдашнимъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій, знаменитымъ Ф. Ф. Вигелемъ. Екатерина Николаевна поселилась съ мужемъ на Невскомъ, въ помѣщеніи Голандскаго посланника, своего свекра, и стала играть роль хозяйки въ посольствѣ. Говоритъ, что впослѣдствіи она была довольно счастлива въ супружеской жизни. П. Б.

и спасти женщину, которую любилъ, отъ нареканій свѣта; или надѣялся онъ, обманувъ этимъ ревность мужа, имѣть, какъ братъ, свободный доступъ къ Натальѣ Николаевнѣ; испугался ли онъ дуэли—это неизвѣстно.

Но какія бы ни были тайныя причины сей рѣшимости, Дантесъ поступилъ подло; ибо обманывалъ или Пушкина, или будущую жену свою. Поведеніе же его послѣ свадьбы дало всѣмъ право думать, что онъ точно искалъ въ бракѣ не только возможности приблизиться къ Пушкиной, но также предохранить себя отъ гнѣва ея мужа узами родства. Онъ не переставалъ волочиться за своею невѣсткою; онъ откинулъ даже всякую осторожность и казалось иногда, что насмѣхается надъ ревностью непримирившагося съ нимъ мужа. На балахъ онъ танцовалъ и любезничалъ съ Натальею Николаевною, за ужиномъ пилъ за ея здоровье; словомъ, довелъ до того, что всѣ снова стали говорить про его любовь. Баронъ же Гекеренъ сталъ явно помогать ему, какъ говорятъ, желая отмстить Пушкину за непріятный ему бракъ Дантеса. Пушкинъ все видѣлъ, все замѣчалъ и рѣшился положить этому конецъ. На балѣ у Салтыкова *) онъ хотѣлъ сдѣлать публичное оскорбленіе Дантесу, который, былъ предувѣдомленъ и не пріѣхалъ на балъ, что̀ понудило Пушкина на другой день послать ему письменный вызовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ письмо къ Гекерену, въ которомъ Пушкинъ ему объявляетъ, что знаетъ его гнусное поведеніе. Письма эти были столь сильны, что одна кровь могла смыть находившіяся въ нихъ оскорбленія. 27 Января, въ 4 часа пополудни, они дрались на Черной рѣчкѣ, за дачею Ланской. Баронъ Даршьякъ, находившійся при Французскомъ посольствѣ, былъ секундантомъ Дантеса; подполковникъ Данзасъ, съ которымъ Пушкинъ былъ друженъ и въ то утро встрѣтилъ его на улицѣ, былъ его секундантомъ. Дантесъ выстрѣлилъ первый. Пушкинъ упалъ; но, вставъ на одно колѣно и опираясь на землю, другою дрожащею отъ гнѣва рукою онъ прицѣлился, выстрѣлилъ, и Дантесъ также упалъ. Пушкинъ вскрикнулъ съ радостью: браво! Но раны двухъ соперниковъ были различныя. Надежда, слава, радость, сокровище Россіи былъ смертельно раненъ въ животъ, а презрѣнный Французъ легко раненъ въ руку и только сшибенъ съ ногъ силою удара.

Выносъ тѣла въ Александро-Невскую лавру назначенъ былъ 30 Января, но полиція неожиданно приказала вынести 29 числа вечеромъ въ Конюшенную церковь: боялись волненія въ народѣ, какого нибудь

*) Гдѣ нынѣ гостинница Грандъ-Отель, на Малой Морской. См. Воспоминанія Лифляндца (Ленца) въ Р. Архивѣ 1878 года. П. Б.

народнаго изъявленія ненависти къ Гекерену и Дантесу, жившимъ на Невскомъ, въ домѣ к-ни Вяземской (нынѣ Завадовскаго), мимо котораго церемонія должна бы проходить, еслибъ отпѣваніе было въ Невскомъ монастырѣ. На отпѣваніе пріѣхалъ весь дипломатическій корпусъ и вся знать, даже тѣ, которые не стыдились кричать противъ Пушкина. Общее мнѣніе ихъ вынудило отдать сей долгъ любимцу Россіи.

3-го Февраля, въ 10 часовъ вечера, отпѣли панихиду, отправили тѣло въ Святогорскій Успенскій монастырь (Псковской губ. Опочковскаго уѣзда), гдѣ погребены предки Пушкина.

Несчастная вдова вскорѣ уѣхала къ своему брату Гончарову въ его имѣніе Полотняные Заводы въ Калужской губерніи; тамъ прожила она все время траура, два года, ей назначенные мужемъ вѣроятно въ томъ предположеніи, что Петербургское общество не забудетъ прежде сего времени клевету, носившуюся на счетъ ея. Но если клевета могла бы еще существовать, то была бы совершенно разрушена глубокою, неизгладимою горестью жены о потерѣ мужа и ея примѣрнымъ поведеніемъ. Юная, прелестная собою, она отказалась отъ свѣта и, переѣхавъ въ Петербургъ, по желанію ея тетки, посѣщаетъ однихъ родственниковъ и близкихъ друзей, не взирая на приглашенія всего общества и самого двора.

Дантесъ былъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. На его плеча накинули солдатскую шинель, и фельдъегерь отвезъ его за границу какъ подданнаго не-Русскаго. Баронъ Гекеренъ, Голандскій посланникъ, долженъ былъ оставить свое мѣсто. Государь отказалъ ему въ обыкновенной послѣдней аудіенціи, и семь осьмыхъ общества прервали съ нимъ тотчасъ знакомство. Сія неожиданная развязка убила въ немъ его обыкновенное нахальство, но не могла истребить всѣ его подлыя страсти, его барышничество: передъ отъѣздомъ онъ публиковалъ о продажѣ всей своей движимости, и его домъ превратился въ магазинъ, среди котораго онъ сидѣлъ, продавая самъ вещи и записывая продажу. Многіе воспользовались симъ случаемъ, чтобъ сдѣлать ему оскорбленія. Напримѣръ, онъ сидѣлъ на стулѣ, на которомъ выставлена была цѣна; одинъ офицеръ, подойдя къ нему, заплатилъ ему за стулъ и взялъ его изъ подъ него. Небо наказало Гекерена и Дантеса. Первый, выгнанный изъ Россіи, гдѣ свыкся, лишенный мѣста, важнаго для него по жалованью, презираемый даже въ своемъ отечествѣ, нашелся принужденнымъ скитаться по свѣту. Дантесъ, лишенный карьеры, обманутый въ честолюбіи, съ женою старѣе его, принужденъ былъ поселиться во Франціи въ своей провинціи, гдѣ не можетъ быть ни любимъ, ни уважаемъ по случаю своего эмигрантства. Сего не довольно: небо наказало даже его преступ-

ную руку. Однажды на охотѣ онъ протянулъ ее, показывая что-то своему товарищу, какъ вдругъ выстрѣлъ, и пуля попала прямо въ руку.

Познакомясь съ Пушкинымъ въ 1828 году и живя въ одномъ кругу, я съ нимъ очень сблизился и коротко его узналъ; по сему я изъ числа тѣхъ людей, которые могутъ дать вѣрныя о немъ свѣдѣнія. Я не встрѣчалъ людей которые были бы вообще такъ любимы какъ Пушкинъ; всѣ пріятели его дѣлались скоро его друзьями. Онъ знакомился скоро и, когда ему кто нравился, онъ дружился искренно. Въ большомъ кругу онъ былъ довольно молчаливъ, серьезенъ, и толстыя губы давали ему видъ человѣка надувшагося, сердитаго; онъ стоялъ въ углу, у окна, какъ будто не принимая участія въ общемъ веселіи. Но въ кругу пріятелей онъ былъ совершенно другой человѣкъ; лицо его прояснялось, онъ былъ удивительной живости, разговорчивъ, разсказывалъ много, всегда ясно, сильно, съ рѣзкими выраженіями, но какъ будто запинаясь и часто съ нервическими движеніями, какъ будто ему неловко было сидѣть на стулѣ. Онъ любилъ также слушать, принималъ участіе въ разсказахъ и громко, увлекательно смѣялся, показывая свои прекрасные бѣлые зубы. Когда онъ былъ грустенъ, что часто случалось въ послѣдніе годы его жизни, ему не сидѣлось на мѣстѣ: онъ отрывисто ходилъ по комнатѣ, опустивъ руки въ карманы широкихъ панталонъ и протяжно напѣвалъ: «грустно! тоска!» Но веселый анекдотъ, остроумное слово, развеселяли его мгновенно: онъ вскрикивалъ съ удовольствіемъ «славно!» и громко хохоталъ. Онъ былъ самаго снисходительнаго, добраго нрава; обыкновенно онъ выказывалъ мало колкости, въ своихъ сужденіяхъ не былъ очень рѣзокъ; своихъ друзей онъ защищалъ съ необыкновеннымъ жаромъ; за то нѣсколькими словами уничтожалъ тѣхъ, которыхъ презиралъ и людей его оскорбившихъ. Но самый гнѣвъ его былъ непродолжителенъ и когда сердце проходило, онъ дѣлался только хладнокровнымъ къ своимъ врагамъ. Нѣкоторая безпечность нрава позволяла часто имъ овладѣть; такъ напримѣръ *, женщина умная, но странная (ибо на 50 году не переставала оголять свои плечи и любоваться ихъ бѣлизною и полнотою) возымѣла страсть къ генію Пушкина и преслѣдовала его нѣсколько лѣтъ своею страстью [1]). Она надоѣдала ему несказанно, но онъ никогда не могъ рѣшиться огорчить ее, оттолкнувъ отъ себя, хотя смѣясь бросалъ въ огонь не читая ея ежедневныя записки; но чтобъ не обидѣть ея самолюбія, онъ не переставалъ часто навѣщать ее въ пріемные часы ея передъ обѣдомъ.

---

[1]) Пушкинъ звалъ ее Пентефрихой.

Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ; это его взбѣсило, ибо сіе званіе точно было неприлично для человѣка 34 лѣтъ, и оно тѣмъ болѣе его оскорбило, что иные говорили, будто оно было дано, чтобъ имѣть поводъ приглашать ко двору его жену. Притомъ на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль, въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина, будто онъ сдѣлался искателенъ, малодушенъ, и онъ, дорожившій своею славою, боялся, чтобъ сіе мнѣніе не было принято публикою и не лишило его народности. Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ и рѣшился не воспользоваться своимъ мундиромъ, чтобъ ѣздить ко двору, не шить даже мундира. Въ этихъ чувствахъ онъ пришелъ къ намъ однажды. Жена моя, которую онъ очень любилъ и очень уважалъ, и я стали опровергать его рѣшеніе, представляя ему, что пожалованіе въ сіе званіе не можетъ лишить его народности; ибо всѣ знаютъ, что онъ не искалъ его, что его нельзя было сдѣлать камергеромъ по причинѣ чина его; что натурально дворъ желалъ имѣть возможность приглашать его и жену его къ себѣ и что Государь пожалованіемъ его въ сіе званіе имѣлъ въ виду только имѣть право приглашать его на свои вечера, не измѣняя старому церемоніалу, установленному при дворѣ. Долго спорили, убѣждали мы Пушкина; наконецъ полу-убѣдили. Онъ отнѣкивался только неимѣніемъ мундира, и что онъ слишкомъ дорого стоитъ, чтобъ заказать его. На другой день, узнавъ отъ портнаго о продажѣ новаго мундира князя Витгенштейна, перешедшаго въ военную службу и что онъ совершенно будетъ въ пору Пушкину, я ему послалъ его, написавъ, что мундиръ мною купленъ для него, но что предоставляется его волѣ взять его или ввергнуть меня въ убытокъ, оставивъ его на моихъ рукахъ. Пушкинъ взялъ мундиръ и поѣхалъ ко двору. Вотъ всѣ объясненія его производства въ камеръ-юнкеры, по поводу котораго недоброжелатели Булгаринъ, Сенковскій, литературные его враги, искали помрачить характеръ Пушкина. Сіи подробности показываютъ также, сколько онъ былъ внимателенъ къ голосу истинной дружбы, и сколько добрый нравъ его позволялъ иногда друзьямъ имъ владѣть.

Лермонтовъ.

Перехожу теперь къ Лермонтову. Его въ первый разъ узнали по стихамъ, которые онъ написалъ о Пушкинѣ. Въ нихъ нападаетъ онъ на аристократію за малое участіе ею принятое въ смерти незабвеннаго нашего поэта. За эти стихи онъ былъ переведенъ въ армію изъ л.-гв. гусарскаго полка; но черезъ два года возвращенъ. По пріі-

ѣздѣ въ Петербургъ онъ сталъ ѣздить въ большой кругъ и, получивъ извѣстность, былъ вездѣ принятъ очень хорошо. Черезъ нѣсколько времени онъ влюбился во вдову княгиню Щербатову, урожденную Штеричъ, за которою волочился сынъ Французскаго посла барона Баранта. Соперничество въ любви и сплетни поссорили Лермонтова съ Барантомъ. Они дрались; послѣдній выстрѣлилъ и не попалъ, а другой выстрѣлилъ на воздухъ. Сія исторія осталась долго скрытою отъ начальства; но болтовня самаго Лермонтова разгласила ее, и онъ былъ посаженъ подъ арестъ. Впрочемъ не было бы никакихъ другихъ дурныхъ послѣдствій для нашего поэта, ибо всѣ его оправдывали, еслибъ онъ не потребовалъ новой сатисфакціи отъ Баранта по случаю новыхъ сплетней. Узнавъ объ этомъ, военное начальство сослало его въ армію на Кавказъ, откуда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ только однажды и гдѣ онъ нашелъ смерть отъ пули не въ сраженьи, а на новомъ поединкѣ. На теплыхъ водахъ Пятигорска онъ встрѣтилъ стараго товарища юнкерской школы, бывшаго въ кавалергардахъ, Мартынова. По старой школьной привычкѣ онъ сталъ надъ нимъ трунить и прозвалъ его le chevalier du poignard, потому что Мартыновъ носилъ черкескую одежду съ огромнымъ кинжаломъ. Однажды вечеромъ у г-жи Верзилиной шутки надоѣли Мартынову, и по выходѣ изъ общества онъ просилъ Лермонтова ихъ прекратить. Сія просьба была принята дурно, и на другой день въ 6 часовъ вечера они дрались за горою Бештау. Князь Васильчиковъ былъ секундантомъ Лермонтова, а Глѣбовъ Мартынова. Сей послѣдній выстрѣлилъ, и противникъ его упалъ мертвымъ.

Такъ не стало нашего юнаго поэта, замѣнившаго Пушкина. Объ его талантѣ нечего говорить: его творенія всегда останутся живыми. Другими же качествами онъ былъ несравненно ниже Пушкина; онъ не имѣлъ начитанности Пушкина, ни рѣзкаго проницательнаго его ума, ни его глубокаго взгляда, ни чувствительной, всеобъемлющей души его. Его характеръ не былъ еще совершенно сформированъ и, безпрестанно увлеченный обществомъ молодыхъ людей, онъ характеромъ былъ моложе, чѣмъ слѣдовало по лѣтамъ. Онъ еще любилъ шумную, разгульную жизнь, волочиться за дамами, подраться на сабляхъ, заставить объ себѣ говорить, подтрунить, пошутить и жаждалъ болѣе славы свѣтской, остряка, чѣмъ славы поэта. Эта молодость убила его. Всѣ пріятели Лермонтова ожидали сего печальнаго конца, ибо знали его страсть насмѣхаться и его готовность отвѣчать за свои насмѣшки. Не взирая на то, его смерть поразила всѣхъ какъ неожиданная новость. И въ какую минуту онъ былъ похищенъ! Въ то время, когда его талантъ начиналъ созрѣвать. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ онъ про-

жилъ еще нѣсколько лѣтъ и еслибъ могъ оставить службу и удалиться (какъ онъ хотѣлъ) въ деревню, онъ близко бы достигъ высоты Пушкина.

Желѣзная дорога.

Въ теченіе лѣта и осени 1841 года продолжались пренія о возможности и о пользѣ устроить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву. Сіе дѣло было поручено особому комитету. Всѣ важнѣйшія лица противились основанію сей дороги, представляя, что полезнѣе употребить огромный капиталъ, требуемый оною дорогою, на другія заведенія и дороги болѣе полезныя. Графъ Канкринъ наиболѣе противился; но Государь рѣшилъ, чтобъ она была, и споры прекратились. Она будетъ строиться не на счетъ Лейпцигскаго дома, который предлагалъ построить дорогу на свой, пользоваться оною сто лѣтъ и чтобъ казна отвѣчала ему 4% доходу съ 40-милліоновъ серебромъ, но будетъ создана на счетъ казны. Наслѣдникъ, герцогъ Лейхтенбергскій, Чевкинъ, графъ Бобринскій, Клейнмихель, Бенкендорфъ и еще человѣка три посажены въ строительный комитетъ дороги. При этомъ случаѣ князь Менщиковъ не преминулъ сказать, что Чевкинъ настоящій Эзопъ, ибо взялся за басни.

*

Нынче я слышалъ печальную исторію, показывающую, сколько иногда, безъ видимой причины, несчастія нисходятъ на иныя семейства и гнетутъ ихъ незаслуженнымъ бременемъ. Одинъ офицеръ г-нъ Павскій отправился на охоту съ другимъ офицеромъ г-мъ Порошинымъ, братомъ его жены. Стрѣляя на одного звѣря, онъ попалъ въ своего шурина и убилъ его. Сіе несчастіе тѣмъ поразительнѣе, что жена Павскаго нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сама убила другаго брата своего, играя съ ружьемъ, котораго не считала заряженнымъ. Послѣ перваго несчастія бѣдная женщина сходила съ ума, и нынче къ ней приносятъ втораго брата, сдѣлавшагося также жертвою неосторожности близкаго къ ея сердцу человѣка.

*

Чтобъ разсѣять грустное впечатлѣніе сей исторіи, разскажу другой анекдотъ. Государь, гуляя по улицамъ, замѣтилъ маленькаго нищаго, который, не узнавъ его, вертѣлся передъ нимъ и просилъ милостины, что̀ запрещено полиціею. Вдругъ нищій, увидя, что всѣ снимаютъ

шапки тому кто за нимъ идетъ, еще разъ взглянулъ на Царя и съ испугомъ пустился бѣжать изо всей мочи. Государь закричалъ извощикамъ: поймайте его! И стая саней помчалась за нищимъ. Его скоро поймали и привели къ Государю, который и приказалъ отвести его во дворецъ, а оттуда препроводилъ по принадлежности.

*

Съ Государемъ въ его прогулкахъ случаются иногда странные анекдоты. Однажды онъ поймалъ самъ бѣглаго солдата. Гуляя въ Петергофѣ въ колясочкѣ, около моря, онъ встрѣтилъ солдата, идущаго босикомъ въ шинели. Онъ подозвалъ его къ себѣ, чтобъ спросить, почему онъ снялъ сапоги и замѣтилъ въ отвѣтахъ и въ движеніяхъ большое замѣшательство. Это дало ему сомнѣніе и, узнавъ отъ него, что онъ служащій при телеграфѣ, онъ посадилъ его у ногъ своихъ и повезъ туда; но тамъ начальство не признало его, и Государь повезъ его въ другое мѣсто, означенное, солдатомъ. Въ новомъ мѣстѣ также не признали его; подозрѣніе Государя оправдалось: солдатъ упалъ на землю и признался, что онъ бѣглый. Раскаяніе этого несчастнаго казалось столь чистосердечнымъ, и страхъ, который имъ овладѣлъ, въ то время какъ Государь возилъ его, столь сильно выражался на его лицѣ, что Государь сжалился и всемилостивѣйше простилъ его.

*

Всего забавнѣе анекдотъ его съ Нѣмцемъ. Прогуливаясь верхомъ въ аллеяхъ Павловска, онъ встрѣтилъ Нѣмца, идущаго подъ руку съ супругою и столь странной фигуры, что Государь, ѣхавъ шагомъ, началъ съ нимъ разговоръ. Онъ узналъ отъ него, что онъ сапожникъ, что пріѣхалъ въ Павловскъ собрать долги съ офицеровъ, но что офицеры любятъ щеголять въ его сапогахъ, а не платить за нихъ; что, не получивъ денегъ, ему нечего болѣе дѣлать какъ гулять съ своею Луизхою, и что впредъ будетъ умнѣе, не станетъ даже вѣрить Государю. Тогда Царь спросилъ его: да знаетъ онъ ли Царя? Тотъ отвѣчалъ ему, что и знать его не хочетъ, потому что не любитъ его. А почему такъ? «А потому, что онъ однажды, ѣхавъ въ кабріолетѣ, едва не опрокинулъ меня и проѣхалъ мимо, не извинившись даже». Напрасно Государь увѣрялъ его (не помня подобнаго обстоятельства), что онъ вѣрно принялъ тогда другаго за Царя: Нѣмецъ упрямился и горячился. «Я въ этомъ увѣренъ, прибавилъ Государь, и чтобъ васъ увѣрить, покажу вамъ Царя: онъ сейчасъ поѣдетъ къ вамъ на встрѣчу». При этомъ словѣ Нѣмецъ сталъ охорашиваться, а Государь, ударивъ шпорами,

проскакалъ впередъ и сталъ возвращаться шагомъ назадъ. «Гдѣ же Государь? Я его не вижу», закричалъ Нѣмецъ, присматриваясь вдаль, не ѣдетъ ли кто нибудь. «Я Царь», сказалъ Государь. Нѣмецъ расхохотался, шутка г-на офицера ему очень понравилась! Но вдругъ изъ боковой аллеи выѣзжаютъ офицеры и дѣлаютъ фрунтъ Государю. Тутъ Нѣмецъ обомлѣлъ и съ своею Луизхою палъ на колѣни, простирая руки. Государь засмѣялся и сказалъ имъ: «Я вамъ говорилъ, что я васъ никогда не опрокидывалъ кабріолетомъ и что вы приняли другаго за меня. Теперь, сапожникъ, вы можете въ томъ удостовѣриться собственными глазами». Долго послѣ Государь разсказывалъ сей анекдотъ съ громкимъ хохотомъ.

*

Зима 1841—42 была южною даже въ самомъ Петербургѣ; снѣгу мало и теплая погода; въ саняхъ ѣздили не болѣе 6 недѣль, морозы не превосходили градусовъ 10; но народъ жаловался громко на эту не-русскую зиму. Пути не было, подвозы затруднялись, жизненные припасы дорожали и легко портились. Въ высшемъ кругу баловъ было немного, при дворѣ бала три не болѣе; нѣсколько баловъ у гр. Левашева, у гр. Браницкаго, у гр. Лаваль, у Мятлева, у к-ни Бѣлосельской, и лучшій балъ-маскарадъ у великой княгини Елены Павловны. Болѣе ста человѣкъ, по ея приглашенію, приняли участіе въ слѣдующихъ кадриляхъ: 1) Пастушекъ и Маркизовъ, 2) Гречанокъ, 3) Черкескихъ народовъ, 4) De la folie, 5) Арлекинады. 6) Валтеръ-Скота изъ романа: Иваное. Костюмы были прекрасные, праздникъ великолѣпный, и процессія всѣхъ кадрилей по парадной лѣстницѣ имѣла въ головѣ музыку одѣтую Китайцами. Было истинно-прекрасное зрѣлище.

Волненія въ Лифляндской губерніи.

Въ Лифляндской губерніи въ концѣ 1841 года и въ началѣ 1842 были волненія среди крестьянъ. Про это мало говорили, ибо о подобныхъ предметахъ боятся говорить; но слышно было, что крестьяне вообразили себѣ, со словъ какихъ-то отставныхъ солдатъ, что Государь всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которые перейдутъ въ Россійскія губерніи дастъ земли и деньги, и въ слѣдствіе того толпы оставляли свои имѣнія, чтобъ идти въ Россію; ихъ должно было даже останавливать войсками. Еще носился слухъ, что они недовольны помѣщиками, которые скупо помогаютъ имъ въ неурожайныя времена; Нѣмцы же приписали волненія сіи происканъ архіерея Иринарха, склонявшаго ихъ перейти въ право-

славную вѣру и защищавшаго даже ослушниковъ, которые изъявятъ готовность принять Русскую вѣру. Сіе послѣднее несправедливо: Иринархъ не только одинъ изъ ученѣйшихъ, но также изъ святѣйшихъ пастырей нашей церкви. Зная его 15 лѣтъ, еще священникомъ при нашей посольской церкви во Флоренціи, я увѣренъ, что онъ неспособенъ вмѣшиваться въ происки и тому подобныя дѣла. Онъ слабаго здоровья и ученый во всей силѣ слова; для него ничего нѣтъ въ мірѣ, кромѣ алтаря у котораго служитъ, и любезныхъ книгъ, съ которыми онъ живетъ.

Графъ Бенкендорфъ былъ посыланъ въ Ригу, волненія успокоились, а Иринархъ самъ отпросился въ другую епархію, не взирая на то, что Государь приказалъ Рижскому генералъ-губернатору барону Палену съѣздить къ нему и просить извиненія, вѣроятно, въ своихъ несправедливыхъ сомнѣніяхъ *).

*) Это послѣднее обстоятельство, объ извиненіи барона Палена, мало кому извѣстно. П. Б.